

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ

Талант бежечанина Александра Николаевича Самохвалова (1894-1971), столетие которого мы отмечаем в этом году, на мой взгляд, наиболее ярко раскрывался в 20-30-е годы. Не принимаю душой его поздних работ, но могу подолгу рассматривать акварели, рисунки и даже торопливые наброски 20-х годов, ловя себя на бесплодной мысли о какой-то возможно более счастливой, значительной творческой судьбе Самохвалова, придишь время расцвета его творчества не на трагичные для русского искусства 20-30-е годы, а допустим, на начало века. И это несмотря на то, что внешне творческая судьба художника выглядит вполне благополучной. Самохвалов был одним из любимых учеников Петрова-Водкина. Именно его Кузьма Сергеевич берет с собой в творческую поездку в Самарканд, результатом которой становится рождение чудесной книги «Моя Самаркандия» и цикла акварелей. Он был участником множества выставок, его работы приобретены всеми крупнейшими галереями страны, а знаменитая девушка в полосатой футболке принесла Самохвалову золотую медаль Парижской выставки и мировую известность. Но посмотрите, как метался со своим даром в эти «благополучные» годы молодой Самохвалов из одного художественного объединения в другое, ища себе единомышленников, а находя баранов-провокаторов соцреализма, «Круг художников», «Общество живописцев», «Община художников», и, наконец, «Октябрь». В одном объединении потом принимали тезис об усилении коллективного руководства непосредственно в процессе работы художника над холстом и создавали при обществе Бюрократ (!) (Бюро контроля идеологии, прообраз будущих художетов), в другом — вменяли пропагандировать мировоззрение диалектического материализма и «втягивать» национальное искусство «в русло общепролетарского искусства на основе учета различных стадий культурно-экономического развития национальностей». (Это хваленый «Октябрь».) А в результате проходила жизнь...

Последний раз Александр Николаевич навистил Бежецк в двадцатых годах. Где

только не побывал он потом: и в Средней Азии, и в Сибири, и во всей центральной России. Но за 50 лет ни разу не заехал в родной Бежецк, хотя от Ленинграда до Бежецка было рукой подать. Почему?

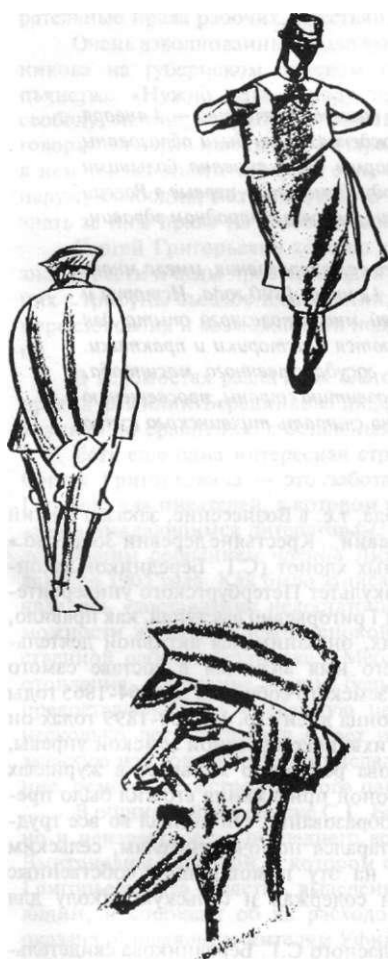
О причинах Александр Николаевич предпочитал не распространяться. Причины могли быть опять же и социальные, и политические, и личные. Достаточно сказать, что происходил он из бежечских купцов, а по одной ветви — из старинного татарского княжеского рода, что в годы иванов безродных и абрамов бездушных уже само по себе являлось политическим криминалом. Но лично мне кажется, — Бежецк был заповедан им для воспоминаний. Оставлен в душе градом Китежем золотых лет жизни, ибо то, что происходило с родиной и родным Бежецком в те годы, художник душой не принимал. Он избегал свиданий с Бежецком, быть может, так, как избегают всю жизнь встреч с первой школьной любовью, храня в столе мутную карточку той, которая навсегда оставалась в душе Прекрасной Дамой.

Вдова художника Мария Алексеевна Клещар-Самохвалова рассказывала, как бережно хранил Александр Николаевич в архиве эти бежечские рисунки, сделанные в один из последних своих приездов — восемь листов низкосортной пожелтевшей бумаги, рисунки своей навсегда утраченной родины, своих земляков-теблешан.

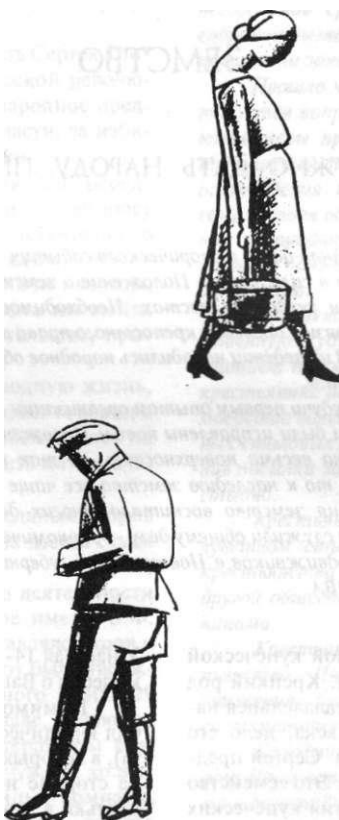

В Бежецк не ездил, а вспоминать о Бежецке любил. Любил рассказывать о знаменитом в Европе бежечском льне. О купеческих особняках. О яблоневых садах, наряженных осенью разноцветными коробовкой, синяковкой, вязниковкой, прозрачными наливными яблоками. О бежечских храмах. Об изобильной бежечкой ярмарке. О театре «Доброхотная копейка», построенном в соседнем городке Калязине на средства горожан. О торговых рядах и огромной бочке, в которой оглушительно плескались живые осетры. О знаменитых бежечанах — Шишкове, Гумилеве, Василие Васильевиче Андрееве. О литературных вече-

АЛЕКСАНДРА САМОХВАЛОВА

рах в Бежецке с участием Сергея Городецкого. О той жизни, которая уже никогда не вернется и которую он так и не перенес на полотно. Как перенес, например, в свои картины и книги родной Хвалынский его учитель Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Я не нашел среди известных работ Самохвалова портретов его родителей, учителей, родственников, напрасно искал среди них и бежецкие пейзажи с тучными полями и поймами. Все по-нашенски: увековечить чужую Самаркандию, членов псковской коммуны, пролетариев и пролетарок, а для своей милой родины, видно, не хватило времени. А, может быть, духу написать так, как

требовал Бюкид? В виде котлована. Все же ранние работы Самохвалова стorerели в пожаре.

Эти рисунки сделаны на заре туманной юности в 20-е годы и нигде никогда не публиковались. Рассматривая их, не перестаю удивляться энергии, которую они излучают, мастерству и уверенности, с которыми они сделаны. На ходу, с натуры, прямо на базарной площади, если судить по персонажам этих рисунков. И нет в них ни капли натурализма, ни грамма робости перед натурой. А сразу характер, психология момента, настроение, возраст, социальная ниша, которую занимает человек. Беспечные дети, назидательные, даже со спины монументальные старики, вечно обремененные заботами бабы. Пир движений, пластики, энциклопедия походок. Думается, молодой Самохвалов сумел бы проиллюстрировать словарь походок африканского племени эве, приведенный Леви-Брюлем в книге «Первобытное мышление». Язык эве насчитывает более тридцати названий походок человека. К примеру, зо бехе бехе — ходить, волоча ноги, как делают слабые люди; зо хлои хлои — ходить с большим грузом в развевающейся вокруг тела одежде; зо бохо бохо — означала походку дородного человека, который тяжело

ступает и т. д. и т. п. Всмотритесь в рисунки Самохвалова, и вы найдете им словесные выражения...

Сколько труда стоит за подобными силуэтами, знает только художник. Самохвалов вспоминал в книге «Мой творческий путь», что учился рисунку, месяцами копируя в библиотеке Академии художеств фотографии с работ Микеланджело и Леонардо да Винчи. О любви его к Италии и итальянским мастерам свидетельствует и надпись на книге Сергея Городецкого «Цветущий посох», подаренной поэтом в один из приездов в Бежецк (возможно, с Н.Гумилевым):

*Большие чудеса творятся нынче.
Совсем иной в уездах стал фасон.
Завелся в Бежецке сторонник Винчи
И с «Посохом цветущим» ходит он...
Счастливым путь в Италию и далее.
Туда, где вечная цветет краса.
Пусть тот, кто в имени себя сам хвалит,
Прославится под маскою АСа.*

Городецкий, как известно, толк в рисунке знал и сам был неплохим книжным оформителем...

Древние египтяне верили, что художник, рисуя человека, делает его бессмертным, потому что душа после смерти переселяется в его рисунок. В этих спинах, фигурах, походках бежечан двадцатого года, к сожалению, уже не узнать каких-то конкретных Иванов Ивановичей или Липочек, которых хотел увековечить художник 70 лет назад. Но что-то пронзительно живое они излучают. Быть может, то общее, родовое, что всех нас объединяет. А может быть, и то, что отличает жителя Бежецка от жителя Осташкова или Торонца. Вот почему мне иногда думается, что коренные бежечане будут по-особенному внимательно всматриваться в эти рисунки, сделанные их земляком Александром Самохваловым в Бежецке, желая отыскать в них что-то сугубо свое, бежецкое, быть может, найдут...

М. Лунин